

ЛЕГЕНДА О МАЛЕНЬКОМ КОММУНАРЕ

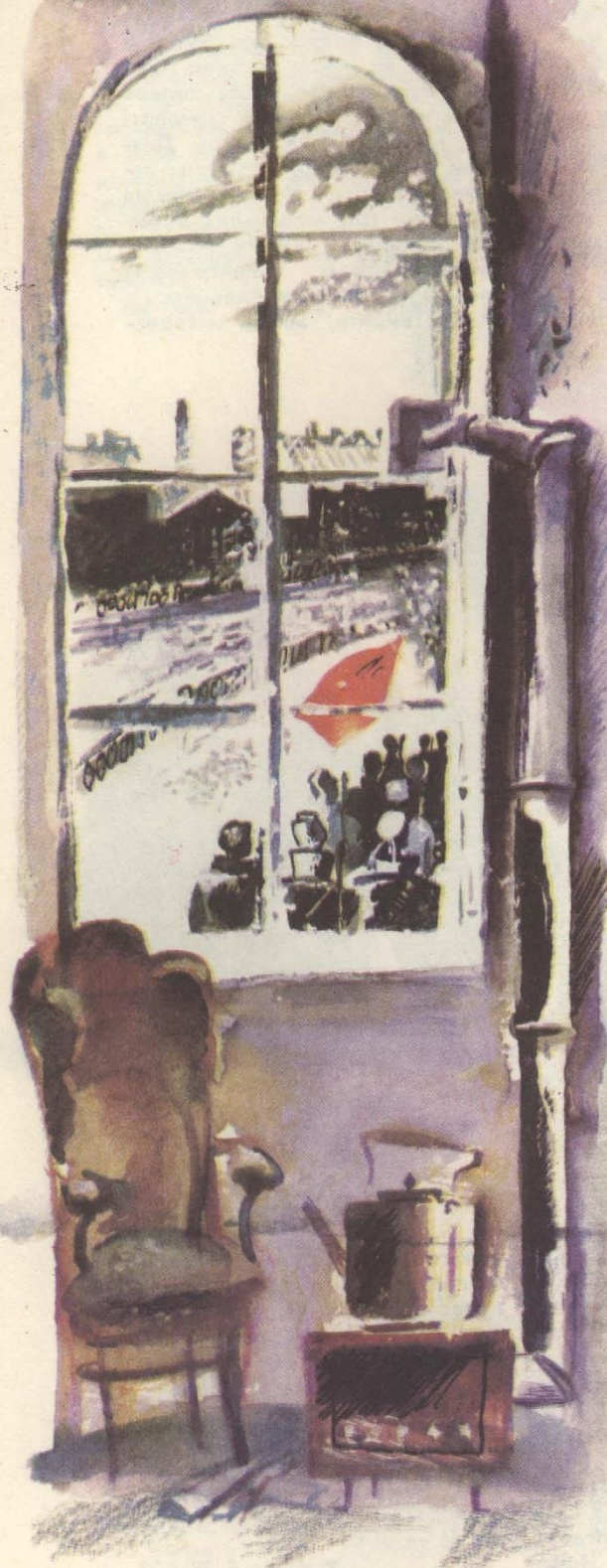
К. КУРБАТОВ

Рисунки И. Дядкиной

Много в Ленинграде памятных мест. И одно из самых священных — в центре города, рядом с Невой — Марсово поле, где день и ночь горит вечный огонь. Здесь в окружении гранитных надгробий могилы героев Февральской революции и Великого Октября. Здесь погребены верные сыны Отчизны, стойкие ленинцы, отдавшие свою жизнь в борьбе за народное дело — В. Володарский, А. Раков, Н. Толмачев, С. Восков, И. Котляков и другие. И среди этих могил есть плита, на которой написано, что под ней в 1922 году похоронен совсем маленький, девятилетний мальчик Котя Мгебров.

Кто он? Почему похоронен рядом с лучшими из лучших, о которых А. Луначарский сказал:

Не жертвы — герои
лежат под этой могилой
Не горе, а зависть
рождает судьба ваша
в сердцах
всех благородных
потомков
В красные страшные дни
славно вы жили
и умирали прекрасно

ЧАЙ ВПРИГЛЯДКУ

Злой ветер кружил по темным проспектам северной столицы ледяную крупу, рвал с графских особняков листы обращения «К гражданам России!» На продуваемых площадях мерзли величавые статуи царей на бронзовых конях. У редких костров грелись бородатые люди с винтовками.

Голодной была первая послереволюционная зима в столице первого в мире рабоче-крестьянского государства.

Лед на окнах. Иней на стенах и потолке. Железная печка-буржуйка, дающая тепло лишь тогда, когда она ненасытно пожирает все, что может гореть.

— Спи, Котя, спи, — говорит мама, и у нее изо рта вместе со словами вылетает пар. — Нужно спать, сынок.

Но Котя не хочет спать. Он лежит в кровати под двумя одеялами и овечьим тулупом. От тулупа кисловато пахнет кожей. Этот запах напоминает Коте деревню, хлеб, молоко... Только про еду говорить нельзя. Коте четыре года, но он знает, что про еду — нельзя. Ни мама, ни папа, ни даже дедушка, который когда-то был генералом и все мог, теперь ничего не могут. Ну... например, достать Коте что-нибудь поесть.

— Папа, — просит Котя, — расскажи мне, пожалуйста, сказку.

Интересно папа рассказывает. Папа у Коти артист, на сцене выступает. И мама у Коти то-

же артистка. И еще бабушка была артистка. И еще прабабушка.

На стене в рамках из красного дерева висят портреты коммунаров — Бланки и Варлена. Правда, Котя путает, который из них кто. Кто Бланки, а кто Варлен. Оба с бородами, оба с усами. Это бабушка, папина мама, привезла портреты из Парижа. Она училась там в консерватории как раз во время Парижской коммуны 1871 года. Но самое главное, бабушка привезла из Франции в Петербург веру в революцию, любовь к свободе и ненависть к любым тиранам.

Даже странно, как такая бабушка, которая сочиняла опасные стихи, музицировала, пела, выступала в Марининском театре, вышла замуж за дедушку-генерала. Но зато у них и сын получился вон какой! Лучше Котиного папы никого нет! Поручик артиллерии, а уже в первую русскую революцию 1905 года сражался на баррикадах на стороне рабочих. Осенью 1906 года сын генерала подпоручик Александр Мгебров вывел из казармы минную роту для защиты рабочих, против которых правительство бросило казаков.

— Папуся, — просит Котя, — расскажи, пожалуйста, про Гавроша. Который на баррикаде...

— Сколько же можно про него рассказывать? — удивляется папа. — Спать нужно, милый. Поздно уже.

— Папусенька, ну, пожалуйста...

Воеет вьюга за окнами, белыми от толстых налетов льда. Колышется острый огонек свечи. Ворчит в вольтеровском кресле дед, которому уже скоро восемьдесят.

Тихо вокруг, таинственно. И папа рассказывает Коте про французского мальчика Гавроша. Как Гаврош под пулями собирал из патронташей убитых патроны для защитников баррикады. В него стреляли, а он пел. Пел, посмеиваясь над солдатами:

У вас мундиры синие
И сабли на боку.
Точнее пельтес, дурни,
Ку-ка-реку!

Но в конце концов один из стрелков все же ранил мальчика. А вторая пуля того же стрелка прервала его песню навеки.

— Папочка, как же они могли... стрелять... в мальчика?

— Он был не мальчиком, Котя. Гаврош был коммунаром. Пусть совсем маленьким, но все равно коммунаром.

— Мне страшно, папуля. Страшно. Обними меня. Какие злые, какие нехорошие глаза были у того солдата, который стрелял в Гавроша.

ПЕРВАЯ РОЛЬ

Театр, который создали Котины мама и папа, назывался так: Первый Рабочий Революционный Героический театр. Размещался он в здании бывшего Благородного собрания на углу Итальянской и Екатерининской улиц.

Может, Котя родился артистом, как его папа и мама, бабушка и прабабушка? Ведь передается же что-то в крови от человека к человеку. Когда Котя вместе с родителями приходил сюда, в это огромное, чуть мрачноватое здание с фигурными фонарями у подъезда, его каждый раз пронзало острое чувство восторга. Котю восхищало здесь все — парадные лестницы с чугунным плетением перил, высокие окна фойе, голый кирпич стен за кулисами, нарядный и гулкий зал, обрывки плакатов на полированном мраморе, зрители в гимнастерках и кожанках, яркий свет юпитеров...

И как до слез было обидно, что в новой первомайской пьесе Котина роль начиналась лишь в четвертой картине!

Все три предыдущих картины Котя простоял за кулисами, пожирая глазами феерическое действие. Его бил нервный озноб, его подтачивало лихорадочное нетерпение.

— Идем, Котенька, отдохнем, — шепотом звала мама. — Нельзя так. Ты не замерз?

— Нет, нет, — машинально отмахивался он, не отрывая глаз от сцены.

А там, в луче прожектора, на фантастической горе, поросшей невиданным лесом, перед пещерой собрались четверо волшебников —

Сын Солнца и Сын Земли, Мудрец и Мысль. Из куска железа они выковывали сердце Коммунара.

Беспощадным будь с врагами,
Братом-другом — с бедняками.

Тверд и мощен наш удар.
Коммунар! Коммунар!..

Черные силы стонут от злобы и скрежещут зубами. Но они ничего уже не могут сделать.

И вот с первыми солнечными лучами оживает сердце, и в солнечной заре рождается солнечный Коммунар. Он прекрасен — полуобнаженный античный юноша с золотыми кудрями и с изображением серпа и молота на поясе.

— Я клянусь, — говорит он, — что уничтожу всех угнетателей!

Во второй и третьей картинах Коммунар собирает революционные силы. Он учит рабочих:

— Вам никто не поможет. Вы сами можете себе. Вы — сила! Товарищи, этот завод построен вашими руками — он ваш. Дворцы, музеи — все создали вы, все — ваше. Уничтожайте угнетателей! И вы будете владеть всей землей, всей вселенной!

Но вот наконец и долгожданная четвертая, заключительная картина — пустыня, каменистая, безводная. Котя с мамой — на сцене. Они измождены, одежда их изорвана. Вокруг них много людей — взрослых, детей, стариков, женщин. Они устали и отдыхают. Силы у людей кончились. Люди ропщут. Они не знают, куда их ведет Коммунар. Он так много обещал, но еще ничего никому не дал. В бесконечном пути люди пали духом.

— Куда мы? — ворчат они. — Зачем? Лучше уж иметь то, что мы имели раньше. Теперь мы вообще ничего не имеем.

И тогда поднимается Виктория Чекан — Котина мама.

— Люди, стыдно бояться преград и препятствий! — произносит она на весь зал. — Позорно вновь запрягаться в ярмо прошлого! И запрягаться только для того, чтобы быть накармливаемыми!

Она обнимает Котю и продолжает:

— Если у моего сына от истощения не хватит сил, я отрежу кусок собственного тела и накормлю его. Накормлю, но не поверну обратно!

— Нет! — раздается голос Коммунара. — Погодите! Этого уже не надо. Товарищи, братья и сестры! Поднимитесь на скалу и скажите, что видно там.

Люди поднимаются. Они поражены. Они никогда не видели такой красоты.

— Вы пришли к заветной цели! — под торжественную музыку говорит Коммунар. — Вы прошли унижение, рабство, холод и голод. Ваша настойчивость и вера победили сомнения. Смотрите на это красное знамя, знамя всех

обездоленных. Берегите его! Вы будете сильны лишь до тех пор, пока в ваших руках это знамя!

Звучит прекрасная и громкая музыка. Бегут цари и буржуи. Блещет свет. А на самом верху скалы, в окружении красных знамен, усыпанный цветами стоит гордый и величественный Коммунар.

И Котя кричит в восторге, обращаясь к соседу-старика:

— Товарищ, подними меня, я хочу видеть Коммунара! Когда я вырасту большим, я тоже буду Коммунаром!

Аплодисменты в зале обрушиваются горным обвалом. Зал стоит. Зал стоя приветствует победу коммуны, мужественного Коммунара, поднятого на руки мальчика — Котю.

Но что это? Среди сотен восторженных глаз — как нацеленный в тебя наган — ненавидящий, опаленный злобой взгляд. Оказывается, люди с такими глазами проникают всюду, даже сюда, на премьеру «Легенды о Коммунаре», в Первый Рабочий Революционный Героический театр, что разместился в здании бывшего Благородного собрания.

НА ФРОНТ

К шести годам Котя уже научился неплохо читать. Какой же это актер, если он самостоятельно не может прочесть своей роли? Дедушка доставал внуку сказки. Но Котю больше тянула к себе взрослая литература. Например, он с удовольствием читал маленькую газетку, которую печатали на толстой оберточной бумаге, «Жизнь искусства». Он старательно прочитывал ее, начиная с названия и проставленной рядом цены — «8 руб. у газетчиков и в театрах» — и кончая припиской в самом низу, жирным шрифтом: «За продажу по цене, выше указанной, виновные будут привлекаться к ответственности». Коте почему-то очень нравилась эта постоянная жирная приписка.

В газете от 28 октября 1919 года, в разделе «Хроника» Котя прочел:

«Труппа Первого Рабочего Революционного Героического театра уезжает на фронт, где даст ряд спектаклей для красноармейских частей».

— Папочка! — закричал Котя. — Смотри! Ура! Мы едем на фронт! Папуля!

— Нет, — сказал папа. — Мы с мамой подумали и решили, что ты останешься с дедушкой.

— Как... с дедушкой? — не понял Котя. — Но кто же тогда в четвертой картине будет вместо меня?

— Мы несколько изменим в пьесе эти места, — сказал папа. — Мы их выбросим. Пойми, мы не можем взять тебя туда, милый. Это слишком опасно.

К тому времени обстановка под Петрогра-

Котя Мгебров-Чекан

дом действительно сложилась чрезвычайно опасная.

Стены домов в городе заpestрели плакатами — «Грудью на защиту Петрограда!», «Все на разгром Юденича!». Тут же расклеивалось обращение В. И. Ленина: «...Товарищи! Решается судьба Петрограда!..»

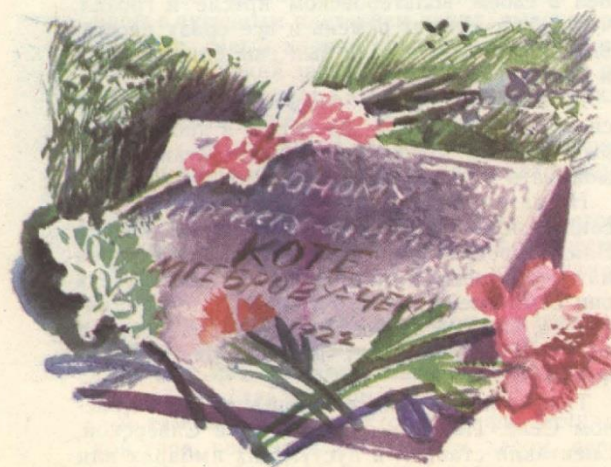
— Папа, — сказал Котя, — ты хочешь, чтобы всем было опасно, а мне нет? Зачем же ты тогда рассказывал мне про Гавроша? И про то, как ты сам дрался на баррикадах? Каким же я тогда вырасту Коммунаром, папочка?

Его уговаривали и мама и папа. А дед сопел в своем вольтеровском кресле и грозил, что сейчас снимет ремень и все сразу расставит на свои места. Дед был еще бодрым, хотя и совсем стареньким.

— Воистину весь белый свет перевернулся, — ворчал дед. — Да чтобы в добрые старые времена кто-нибудь вздумал этак разлимонивать с шестилетним мальчонкой...

Но разлимонивай не разлимонивай, а Александр Авельевич Мгебров и его жена Виктория Владимировна Чекан не смогли устоять перед натиском шестилетнего сына. Впрочем, ведь они сами воспитали его таким. И теперь, наверное, каждый про себя втайне гордился, что их малыш рассуждает как настоящий мужчина.

Три недели труппа театра выступала в Красном Селе. Потом — в Гатчине, в Сиверской. Спектакли ставили в пустующих амбарах или больших крестьянских избах. Без декораций,

при свете керосиновых ламп, под аккомпанемент грохочущих невдалеке орудий. Красноармейцы собирались на представления прямо с поля боя — с винтовками, разгоряченные, пахнущие порохом, в марлевых повязках, сквозь которые проступали красные пятна.

— Если у моего сына от истощения не хватит сил, — говорила Котина мама, обращаясь к красноармейцам, — я отрежу кусок собственного тела и накормлю его. Накормлю, но не поверну обратно!

И Котя вторил ей:

— Когда я вырасту большим, я тоже буду коммунар!

— Правильно! — кричали красноармейцы и сильно хлопали в ладоши. — Молодцы артисты! Валяйте еще! Давай, малыш! У тебя это крепко получается.

Котя кланялся вместе с другими артистами. А когда зрители немного утихали, выходил вперед и читал:

Враг силен? Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами.

И все артисты, а за ними и зрители дружно подхватывали:

Никогда! Никогда!
Никогда! Никогда!
Коммунары не будут рабами!

СЛОВО ЧЕСТИ

Зрительный зал в Таврическом дворце не совсем обычен. Ряды кресел широким полукругом поднимаются от сцены, как все равно в цирке. Но на каких только сценах не приходилось Коте выступать за последние годы! В девять лет Котя уже стал чуть ли не профессиональным актером.

Давным-давно отгремели орудия гражданской войны, отшумели лихие атаки конницы Буденного. Обломав зубы о красноармейские штыки, убралась восвояси иностранная интервента, прихватив с собой недобитых русских князей и обрусевших баронов.

Но бой еще далеко не кончился — бой со старым, оставшимся в душах людей, бой за новое, которое дивным дивом должно было расцвести над республикой Советов.

И в первых рядах борцов за новое шел маленький артист Котя Мгебров, который выступал сегодня, 20 апреля 1922 года, в Таврическом дворце на концерте после городского предмайского митинга.

Они втроем — Александр Мгебров, Виктория Чекан и их сын — читали стихотворение Уолта Уитмена «Песня рассветного знамени». А затем давали инсценировку стихотворения Виктора Гюго «За баррикадами, на улице пустой...»

Мама была за автора:

За баррикадами, на улице пустой,
Омытый кровью жертв, и грешный и святой,
Был схвачен мальчуган одиннадцатилетний.
Папа — за капитана. Он спрашивал:
— Ты тоже коммунар?
И Котя гордо отвечал:
— Да, сударь, не последний!
— Что ж! — капитан решил. — Конец для всех —
растрел. Жди, очередь дойдет.
И мальчуган смотрел.
На вспышки выстрелов, на смерть отцов и братьев.
Внезапно он сказал, отваги не утратив:
— Позвольте матери часы мне отнести!
— Сбежишь?
— Нет, возвращусь!
— Ага, как ни верти, ты струсил, сорванец.
Где дом твой?
— У фонтана.
И возвратиться он поклялся капитану.
— Ну, живо, черт с тобой! Уловка не тонка!
Расхохотался взвод над бегством паренька.
С хрипением гибнущих смешался смех

победный.

Но смех умолк, когда внезапно мальчик

бледный

Предстал им, гордости суровой не тая,
Сам подошел к стене и крикнул:
— Вот и я!

Как это у Коти великолепно получалось! Сколько он вкладывал души, чувств, безмерного превосходства над стрелявшими в него врагами!

НАС ОЧЕНЬ МНОГО

Трагедия произошла через два дня после выступления в Таврическом дворце. Днем. На глазах у многих. Вражеская рука столкнула Котю Мгеброву с открытой площадки трамвайной прямо под колеса.

— Вот я и догнал тебя, щенок! Такие голо-
систые, как ты, опаснее десятка взрослых.

Встала дыбом панель с чугунным фонарным столбом. Полетела в лицо булыжная мостовая с синим лезвием рельс...

По ходатайству рабочих Петроградский Совет постановил похоронить маленького артиста в самом городе, там, где лежали лучшие из лучших героев Октября, на Марсовом поле, которое называлось тогда площадью Жертв Революции.

«Склоним головы перед ним, как перед революционным юношеством, так много отдавшим и отдающим в общей борьбе за освобождение пролетариата».

Мама держала свою руку на холодных руках сына. Осунулся, посуровел отец, у него за два дня выбелило сединой виски. Тихо плакал Котин дед, бывший генерал Авелий Мгебров.

— Нас очень много, — тихо ответила девушка. — Нас тысячи. И если каждый принесет по цветку...

А над Петроградом бушевала весна. Набирали сок деревья, пели птицы, зеленела трава. И все ярче и ярче сияло солнце.

Такую надпись высекли на гранитной плите, что прикрывала небольшую могилу.